

Jarosław Poliszczuk
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

Символические коды советской ностальгии (русская и украинская литературные версии)

Проект советской ностальгии, в рамках которого рассматриваем указанное в названии статьи явление, является контроверсионной социокультурной практикой нашего времени. Крах СССР, который для многих его граждан оказался шокирующей неожиданностью, вызвал вполне прогнозируемую тщательную рефлексию прошлого, в частности переоценку доминирующих в нем ценностей. Эта рефлексия предполагает более или менее критическое отношение к пережитому опыту, однако её неотъемлемым качеством является также своеобразная работа памяти, побуждающая к ностальгическим воспоминаниям и сентиментальным оценкам недавнего прошлого¹. Феноменальным в этом контексте является сопряжение личного и коллективного опыта, который в ностальгических воспоминаниях о прошлом представляется как единое целое².

Значимость ностальгических рефлексий в культуре проявляется в том, что они имеют определённое терапевтическое воздействие на сознание людей, а также являются важной составной в поиске собственной идентичности в пе-

¹ Термин «недавнее прошлое» заимствуем у современных исследователей проблемы советского наследия. Таким образом они подчеркивают несоотнесенность советского опыта с опытом других исторических эпох, его специфику и уникальность. См. об этом: ПРОХОРОВА И. [PROCHOROWA I.], Недавнее прошлое как вызов историку, «Новое Литературное Обозрение», 2017, № 1 (83), [онлайн], <https://magazines.gorky.media/nlo/2007/1/nedavnee-proshloe-kak-vyzov-istoriku.html>. [доступ: 8.01.2022]; КОСТИН В. [KOSTIN W.], Недавнее прошлое. Воспоминания о художественной жизни Москвы 1960–1970-х годов, «Искусство», 1989, № 6, с. 35–36.

² См.: ХАЛЬБВАКС М. [HALBWAKS M.], Социальные рамки памяти, пер. с фр. и вст. ст. С. Н. Зенкина. Москва, Новое издательство, 2007; ЛЕВАДА Ю. А. [LEWADA J.], «Человек ностальгический»: реалии и проблемы, «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», Москва: ВЦИОМ, 2002, № 6, с. 7–13; ЭТКИНД А. [ETKIND A.], Кривое горе. Память о непогребенных, авториз. перевод с англ. В. Макарова, Москва, Новое Литературное Обозрение, 2015.

риоды кризиса, когда приходится эту идентичность выстраивать по-новому. Ностальгия по прошлому выступает также важным элементом для понимания процессов трансформации массового сознания и персональных идентичностей в переходный период, когда реалии советского общества заменила постсоветская цивилизация, возникающая на руинах бывшего Советского Союза. Системные разрывы – политические, экономические, социокультурные – приводят к тому, что в рамках этого периода возникает своеобразная мода на воспоминания прошлого. Это и является источником советской ностальгии в современных условиях – явления, которому в значительной степени подвержены Россия, Украина, Белоруссия и другие страны, некогда составляющие Советский Союз и государства-сателлиты³.

Замечательно то, что ностальгические настроения характерны не только для старших возрастных групп, что вполне объяснимо – с учётом их биографического опыта, связанного с детством, юностью, успешной карьерой или родительским опытом. Такие настроения в разной степени охватывают также молодёжные группы⁴, что может показаться парадоксальным. Так или иначе, советская ностальгия стала общеизвестной практикой нашего времени. Не случайно она привлекает определённое внимание учёных: появилось немало работ, посвящённых различным аспектам этого характерного явления⁵. С одной стороны, объяснить ностальгию по прошлому можно как реакцию на экзистенциальный разрыв, когда человек не может или не умеет объяснить то, что происходит вокруг него. Ностальгические воспоминания в такой ситуации призваны смягчить фантомные боли безвозвратно утраченного прошлого. С другой стороны, ностальгию следует считать серьёзным вызовом для историка, пытающегося объяснить настроения своих современников.

Теоретическим подспорьем нашего исследования является концепция культурной ностальгии русско-американской исследовательницы Светланы Бойм, капитальный труд которой недавно издан в русском переводе (оригинальная версия исследования была опубликована в США еще в 2001 году)⁶. Эта

³ РЕЗАНОВА З. И. [REZANOWA Z.] (ред.), *Ностальгия по советскому*. Гаспаров Б. М., Голев Н. Д., Говорухина Ю. А. и др., Томск, Изд. Томского университета, 2011; TODOROVA M., GILLE Z. (ed.), *Post-Communist Nostalgia*, New York, Berghahn books, 2010; MODRZEWSKI F., SZNAJDERMAN M. (red.), *Nostalgia. Eseje o tęsknocie za komunizmem*, Wołowiec, Czarne, 2002.

⁴ СМОЛИНА Н. [SMOLINA N.], Советское в постсоветском пространстве: анализ ностальгических сообществ, «Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Культурология. Социология», вып. 33, 2014, № 17 (346), с. 133–136.

⁵ КАМАСАРА В. А., СОРОКИНА А. А. [KAMASARA W., SOROKINA A.], Постсоветская ностальгия в повседневном дискурсе россиян, «Общественные науки и современность», 2011, № 6, с. 18–32; ВОРОБЬЕВА А.В., РАСКАТОВА Е.М. [WOROBJOWA A., RASKATOWA J.], «Советское» в постсоветском культурном пространстве: структурно-типологический аспект, «Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ», 2009, вып. 4, с. 22–28; БОЙМ С. [BOYM S.], Будущее ностальгии, пер. с англ. А. Стругач, Москва, Новое Литературное Обозрение, 2019.

⁶ БОЙМ С. [BOYM S.], Будущее ностальгии, пер. с англ. А. Стругач, Москва, Новое Литературное Обозрение, 2019; БОЙМ С. [BOYM S.], Общие места: мифология повседневной жизни,

учёная воспринимает ностальгию в широком контексте: учитывает не только её очевидные проявления – влечение к покинутому дому или малой родине, но и скрытые, трудные для познания, как, например, тоска по иным временам, по стране детства или далёкому прошлому, что непосредственно не связано с конкретным биографическим опытом человека. С. Бойм исходит из представления ностальгии как попытки найти идеальное пространство в реальных условиях жизни. Она утверждает, что ностальгия является разновидностью утопии, так как обладает характерными функциями утопического сознания. Смысл понятия определяется следующим образом:

... Это тоска по дому, которого больше нет или, может быть, никогда не было. Это утопия. Обращенная не в будущее, а в прошлое, а также проекция времени на пространство. Ностальгия – это попытка преодолеть необходимость истории и превратить историческое время в мифологическое пространство⁷.

Ключевая особенность ностальгического конструирования прошлого в том, что оно воспринимается как единый объект – и в индивидуальном сознании, и в культуре в целом. Отношение к советскому прошлому, таким образом, связано с переживанием аффекта, причем источник этого аффекта не в самом советском прошлом, несмотря на то, что эксплицитно именно в нём имеет свои корни. Состояние аффекта порождает переживание настоящего, для которого прошлое является объектом проекций, смещений и символизации, то есть нелокализуемым травматическим объектом. Задача культуры состоит именно в том, чтобы с помощью рефлексии перекодировать драматическое и разорванное историческое пространство и, таким образом, заново воссоздать его в творческом воображении. В рассуждениях С. Бойм заслуживает на особое внимание разграничение функций, согласно которому учёная выделяет реставрирующую (*restorative*) и рефлексивную (*reflexive nostalgia*): если первая стремится к идеализации прошлого, то другая, наоборот, подвергает картину прошлого тщательному критическому анализу, извлекает из неё ценные выводы⁸.

В современной художественной литературе ностальгические мотивы используются с разной целью и на разных уровнях эстетического воздействия, как показали научные исследования⁹. Элементы советской ностальгии хорошо

Москва, Новое Литературное Обозрение, 2002.

⁷ БОЙМ С. [BOYM S.], «Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: Случай Ильи Кабакова», «Новое литературное обозрение», 1999, № 39, [онлайн], <http://magazines.russ.ru/nlo/1999/39/boym.html> [доступ: 15.12.2019].

⁸ БОЙМ С. [BOYM S.], Будущее ностальгии, пер. с англ. А. Стругач, Москва, Новое Литературное Обозрение, 2019, с. 142–146, 643–649.

⁹ Оживлённое внимание учёных к проблемам советской ностальгии касается различных культурных практик (литературы, театра, кинематографа), что хорошо отражено, например, в коллективной монографии Ностальгия по советскому (2011). См.: РЕЗАНОВА З. И. [REZANOWA Z.] (ред.), Ностальгия по советскому. Гаспаров Б. М., Голев Н. Д., Говорухина Ю. А. и др., Томск, Изд. Томского университета, 2011.

вписываются в современные нарративные практики, являясь важной составляющей успешной коммуникации писателя и его читателей. В этой статье внимание будет сосредоточено на частном аспекте советской ностальгии, а именно – на использовании общей риторики и типичных образов соцреализма в современных литературных текстах. Более того, нас интересует, каким образом соцреалистическая риторика, которая в своё время пережила деконструкцию, может подвергаться своеобразной ресакрализации в художественной литературе. Учитывая широкий контекст проблемы, ограничимся в этой статье наблюдениями, позволяющими идентифицировать своеобразное отношение к советскому в его диаметрально противоположных отражениях: от эйфорических мотивов прощания с «совком» до загадочной ностальгии по советскому, которая, стоит заметить, подпитывается ощущением кризиса, безвременья и бесперспективности в настоящем. Материалом для исследования проблемы послужили популярные романы Михаила Елизарова, Андрея Тургенева, Эдуарда Лимонова, Юрия Андруховича, Сергея Жадана и др.

Культурна реконструкция прошлого

Природа преобразований, осуществляемых в постсоциалистическом мире, во многих случаях общая, что обуславливает определенные сходства и параллели. Мы сознательно выбрали для анализа ареал национальных литератур двух восточнославянских народов – русской и украинской. Отдельные наблюдения и оценки, приведенные в статье, конечно, не исчерпывают богатства материала, а только маркируют его определенным образом. Предложенный исследовательский аспект определяется сходством указанных литератур, что укладывается в замечательную традицию. Он некоторым образом апеллирует к общим качествам и тенденциям, являющимся в данном случае очевидными: близкие языки, родственные культурные коды, а до недавнего времени также тесное соучастие в проекте «советской многонациональной культуры». Нельзя также не заметить тенденции к охлаждению взаимоотношений двух национальных литератур в последнее время, в новой геополитической конфигурации, которая сложилась после краха Советского Союза.

Идея общности, несмотря на укрепление институций самостоятельных государств, присутствует в общественном мнении; к тому же, всячески акцентируется пропагандой, что создает предпосылки для определенных политических интриг в восточноевропейском регионе, например – концепции «русского мира», политически ангажированного проекта с явно выраженным неоимперским содержанием¹⁰. Ностальгия по советским временам является характерным настроением, объединяющим многих граждан современной России, Украины, Беларуси. Это и закономерный результат влияния недавнего

¹⁰ АЛЕЙНИКОВА С. М. [ALEJNIKOWA S.], «Русский мир»: белорусский взгляд, Минск, РИВШ. 2017, с. 7–15.

прошлого, и одновременно феноменальное явление, если учесть тот факт, что формально бывшие республики уже почти тридцать лет существуют самостоятельно – достаточное время, чтобы выработать постколониальные практики и изменить ценностные ориентиры общества. Согласно социологическим данным, проведенным Левада-Центром, ВЦИОМ и др., популярность советской идентичности среди граждан бывшего Советского Союза остается довольно высокой¹¹, но с другой стороны, противоречивы показатели их национальной принадлежности. Стереотипы советского времени парадоксальным образом устойчивы, в частности относящиеся к самоопределению, когда советская идентичность оказывается удобной формой для избегания других (преимущественно, национально-культурных) форм идентификации. Об устойчивости советской идентичности еще в 90-е годы XX ст. писал американский исследователь Роман Шпорлюк: он замечал, что концепция советского народа всё же была успешно воплощена в жизнь, причем доказательством успешности можно считать тот факт, что она не утратила смысла вместе с гибелью СССР, а довольно успешно мутирует и может приобретать новые, порою весьма непредвиденные, формы¹².

Сказанное объясняет, почему советская ностальгия в разной мере и в разном качестве присуща восточнославянским литературам сегодня. В более широком контексте можно наблюдать подобный дисбаланс на примере сравнительного изучения литератур Центрально-Восточной Европы, претерпевающих аналогичные изменения в конце XX и начале XXI века¹³. Художественная литература, в частности роман как наиболее концептуальный жанр современного творчества, входит в новую фазу развития, принимая различные вызовы современного информационного пространства. Один из таких вызовов напрямую связан со способностью интерпретировать недавнее прошлое – в таком измерении, в котором оно становилось бы более понятным и приемлемым для читателя.

Обращение к советскому прошлому предполагает несколько существенных аспектов анализа. Во-первых, оно имеет мнемоническую составную, так как напоминает о пережитом опыте и его по-своему актуализирует. Во-вторых, постулирует переосмысление прошлого как определенной ценности. В этой связи политолог Александр Морозов замечает: советское «воспринимается как

¹¹ ЛЕВАДА Ю. А. [LEWADA J.], «Человек ностальгический»: реалии и проблемы, «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», Москва: ВЦИОМ, 2002, № 6, с. 7–8.

¹² ШПОРЛЮК Р. [SZPORLUK R.], Формування модерних націй: Україна – Росія – Польща, пер. з англ. Г. Касьянова та ін. 2-е вид., Київ, Вид-во «Дух і Літера», 2016, с. 79, 89–90.

¹³ СТАРИКОВА Н. Н. [STARIKOWA N.] (отв. ред.), Художественный ландшафт «нулевых». Литература Центральной и Юго-Восточной Европы в начале XXI в., Москва, Институт славяноведения РАН, 2014; MODRZEWSKI F., SZNAJDERMAN M. (red.), *Nostalgia. Eseje o tęsknocie za komunizmem*, Wołowiec, Czarne, 2002.

общее культурное прошлое»¹⁴, что и обеспечивает ему довольно устойчивый интерес в обществе, в частности в культуре. В-третьих, принимает терапевтический характер, так как связано с преодолением общей травмы, вызванной крахом советского проекта, который обладал авторитетом для нескольких поколений людей. Об этом с особой проникновенностью пишет Светлана Алексиевич, обнаруживая в героях своих произведений специфическую меланхолию по отношению к советскому прошлому¹⁵. Взаимное переплетение означенных тенденций и определяет характер перцепции советского опыта в современном русском и украинском романе.

Осмысление недавнего прошлого не всегда связано с ностальгическими переживаниями. Интересно проследить эволюцию общественной мысли в отношении этого прошлого. Конец XX ст. можно считать периодом решительного разрыва советского культурного шаблона. Этот период характерен довольно критическим, а нередко радикально-критическим отношением к опыту советской цивилизации. В русской культуре тон решительной критики задают деятели андеграунда и соц-арта, которые оказались наиболее продвинутыми в своем отрицании советского наследия и сумели убедительно, в духе времени выразить свою позицию. В произведениях мастеров соц-арта происходило постепенное разложение советской идентичности, поскольку это направление предлагало различные проекты археологии повседневности, оказавшейся банальной и скучной, в противоположность героическому мифу, созданному коммунистической пропагандой¹⁶. Обращаясь к прошлому, эти мастера апеллировали к личным воспоминаниям читателя (Владимир Сорокин, Виктор Ерофеев) или зрителя (Илья Кабаков)¹⁷. В украинской культуре тотальная критика «совка» исходила либо от вчерашних диссидентов (Евгений Сверстюк, Иван Дзюба), либо от представителей поколения 80-х, решительно отказывающихся от коммунистического прошлого (Юрий Андрухович, Оксана Забужко). Впрочем, на Украине дискредитация советского опыта имела также другую, антиколониальную подоплеку, поэтому особого увлечения советским в среде интеллектуалов не наблюдалось ни в 90-е годы, ни в последующие времена¹⁸. Симптоматичным жестом решительного прощания с советским про-

¹⁴ Почему нас не отпускает СССР? [онлайн], <https://www.colta.ru/articles/society/4908-pochemu-nas-ne-otpuskaet-sssr> [доступ: 9.01.2022].

¹⁵ АЛЕКСИЕВИЧ С. [ALEKSJEWICZ S.], *Время секунд хэнд*, Москва, Время, 2013.

¹⁶ КАБАКОВ И. [КАВАКОВ I.], *60–70-е... Записки о неофициальной жизни в Москве*, Москва, Новое Литературное Обозрение, 2008.

¹⁷ БОЙМ С. [BOYM S.], *Общие места: мифология повседневной жизни*, Москва, Новое Литературное Обозрение, 2002, с. 199–209.

¹⁸ HNATIUK O., *Pożegnanie z imperium. Ukraińskie dyskusje o tożsamości*, Lublin, Wydawnictwo UMCS, 2003; HRYCAK J., *Nowa Ukraina. Nowe interpretacje*, Wrocław 2009; ГУНДОРОВА Т.І. [HUNDOROWA T.] *Транзитна культура. Симптоми постколоніальної травми*, Київ, Грані-Т, 2012; RIABCZUK M. *Okcydentaliści mimo woli: paradoksy ukraińskiego natywizmu*, [W:] *Od Małorosji do Ukrainy*, Kraków 2002, s. 57–96.

шлым являются романы Юрия Андруховича Рекреации (1990) и Москвиада (1993), получившие в те времена скандальную славу¹⁹.

Однако решительная критика недавнего прошлого не стала мейнстримом общественной мысли. В начале нового тысячелетия в России тональность отношения к советскому наследию начала постепенно изменяться – главным образом, в связи с изменением политического курса страны и попытками осторожной реабилитации СССР. Это привело к популяризации советской ностальгии. Динамику процесса убедительно изображает С. Бойм в своём капитальном исследовании ностальгических мотивов:

Едва ли можно всерьёз говорить о признании коллективной травмы прошлого; но если это иногда и признавалось, то все пострадавшие представлялись как невинные жертвы или винтики в системе, действующие строго по приказу. Кампания по восстановлению памяти сменилась новым стремлением к выдуманному антиисторическому прошлому, эпохе стабильности и нормальной жизни. Эта массовая ностальгия – своего рода всенародный кризис среднего возраста; многие тоскуют по временам своего детства и своей юности, проецируя личные эмоциональные воспоминания на широкую историческую перспективу, внося свою лепту в коллективное избирательное забвение²⁰.

Примечательно, что основной объект советской ностальгии связан с периодом брежневского застоя (70–80-е гг. XX ст.), образ которого массовая пропаганда пыталась воссоздать в приукрашенном виде. В этом можно усматривать своеобразный заказ власть предержащих, так как именно с этим периодом советской истории они отождествляют свой авторитет²¹. Леонид Парфенов не случайно назвал первое десятилетие нового тысячелетия эпохой «ренессанса советской античности», что сопровождался апелляцией к атмосфере брежневского времени, когда еще были возможны имперские проекты при сохранении относительной стабильности государства, подпитываемого сверхдоходами нефтяной отрасли²². Это создало идеологические предпосылки для пересмотра советского наследия. В новых произведениях Михаила Елизарова, Александра Проханова, Эдуарда Лимонова, Ольги Славниковой, Владимира Сорокина и многих других предлагаются различные варианты творческого осмысления советского цивилизационно-культурного наследия – начиная с деконструкции

¹⁹ Острую полемику вызвал также русский перевод второго романа: АНДРУХОВИЧ Ю. [ANDRUCHOWYCZ J.], Москвиада: роман, перевод с укр. А. Бражкиной, Москва, Новое Литературное Обозрение, 2001.

²⁰ БОЙМ С. [BOYM S.], Будущее ностальгии, с. 133.

²¹ РАСКАТОВА Е. М. [RASKATOVA J.], Художественная культура и Советская власть в эпоху позднего социализма: учеб. пособие, Иваново: Изд-во Иван. гос. хим.-технол. ун-та, 2008; Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал, Москва, РГГУ, 1997; Длинные 1970-е: советское общество в 1968–1982 годы, «Неприкосновенный запас», 2007, № 2.

²² Л. Парфенов о «неплохом мужике» Брежневе и «эпохе застоя». С днем рождения, дорогой Ильич! Интервью для РИА-новости [В:] Сайт «РИА-новости», [онлайн], 2009, <http://www.rian.ru/interview/20091014/188794657.html> [доступ: 8.01.2022].

нормативного языка советской эпохи и заканчивая ностальгическими ассоциациями, связанными с отдельными предметами обихода или культурными артефактами прошлого.

Апологетика и ресакрализация советского

В более широком контексте можно говорить о реставрации советского проекта в современной российской культуре на разных уровнях и в разных социальных группах²³. В среде искусства тенденция проявляется не только в художественной литературе²⁴, но также в кинематографе, поп-музыке и других сферах²⁵. Ностальгический нарратив в современной России выглядит эклектичным, так как он предлагает невообразимое сочетание символов и ценностей. Китчевый характер советской ностальгии можно заметить во многих произведениях художественной литературы, даже если они апеллируют к пафосному восприятию прошлого, как, например, роман Михаила Елизарова Библиотекарь (2007) или Эдуарда Лимонова Киев капут (2015). На примере использования образов из недавнего прошлого Е. Добренко приходит к важному выводу, маркируя русский постмодернизм как проект модернизации советской культуры. Более того, ностальгическое обращение к наследию прошлого акцентирует внимание на переживании травмы, обусловленной гибелью империи, а также придает этой травме апокалиптическое качество, намеренно преувеличивая ее масштаб²⁶.

В жанровых формах романа-антиутопии, утопии, фэнтези, квазибиографии, несмотря на универсальность смыслов, вполне определенно проявляется ностальгическое отношение к недавнему прошлому. В этом можно убедиться на примере романов Виктора Пелевина Священная книга оборотня (2005), Ольги Славниковой 2017 (2006), Владимира Сорокина Голубое сало (1999) и День опричника (2008), Дмитрия Быкова Ж/Д (2016), а также украинских авторов Сергея Жадана Ворошиловград (2010) и Интернат (2017), Александра Ирванца Харьков–1938 (2017), Марины Гримич Клавка (2019) и Юра (2020) и др. Авторы этих книг склонны к перформативному «проигрыванию» прошлого, хотя следует заметить, что такая игра, по существу, далеко выходит за пределы развлекательного эффекта и ставит перед читателем непростые вопросы переоценки советского наследия.

²³ СМОЛИНА Н. [SMOLINA N.], Советское в постсоветском пространстве: анализ ностальгических сообществ, «Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Культурология. Социология», вып. 33, 2014, № 17 (346), с.133–136.

²⁴ ИВАНОВА Н. [IWANOWA N.], Русский крест. Литература и читатель в начале нового века, Москва, Время, 2011, с. 321.

²⁵ РЕЗАНОВА З. И. [REZANOWA Z.] (ред.), Ностальгия по советскому.

²⁶ DOBRENKO E. *Utopias of Return: Notes on (Post-) Soviet Culture and its Frustrated (Post) modernization*, „Studies of East European Thought”, 2011, vol. 63, p. 159–171.

Интересным эффектом обладает форма альтернативной истории, позволяющая авторам реализовать свои фантазии на тему возможного поворота событий, которое изменило бы ход событий, а именно – исправило бы ошибки, приведшие к плачевным результатам. Андрей Тургенев (псевдоним Вячеслава Курицына) предлагает «переписать» историю Второй мировой войны в романе *Спать и верить* (2007). Писатель обращается к довольно-таки трудному материалу, освещая трагические события блокадного Ленинграда, при этом не избегает натуралистических сцен и «чернушных» эпизодов. Но все же его пером движет оптимистический импульс: история могла бы быть другой, твердит автор, если бы поменять расстановку сил и центров влияния. С этой целью А. Тургенев придумывает Марата Кирова – харизматического местного лидера, успешно противостоящего деспотическому Сталину, с одной стороны, и агентуре Гитлера, с другой. Реализм деталей, апеллирующий к подзабытой традиции «блокадной» литературы, в романе уравнивается изощренными условными сюжетами, представляющими игру воображения автора. Подобную попытку предпринимает Александр Ирванец в романе *Харьков-1938*, в котором успешную советскую Украину противопоставляет терпящей упадок России. А. Ирванец успешно пародирует образы выдающихся украинских деятелей этой эпохи – как националистов, так и коммунистов. *Харьков-1938* направлен на деконструирование идеологических штампов, типичных для тоталитарного прошлого, а дополнительную актуальность сочинение приобретает в контексте российско-украинского конфликта последних лет, в частности восстановления советских культов на Донбассе и в Крыму.

Выше мы привели примеры рефлексирующей ностальгии в современном романе. Ностальгия реставрационного типа²⁷ присутствует в творчестве Александра Проханова, Эдуарда Лимонова, Михаила Елизарова, Захара Прилепина. Не случайно эти писатели близки к официальным кругам современной российской власти и в общем выражают идеологическую платформу этой власти. Рассмотрим особенности реставрационной ностальгии по советскому на примере романа Михаила Елизарова *Библиотекарь*²⁸, удостоенного Государственной премии «Русский Букер» в 2008 г. Это произведение вызвало бурные дискуссии среди критиков и читателей, нередко высказывающих противоположные оценки (что, стоит заметить, хорошо отражает не только вкусы отдельных групп, но и расслоения общественного мнения по отношению к советскому прошлому). Сам автор принадлежит к среднему поколению российских интеллектуалов: на момент награждения главной литературной премией России ему исполнилось 35 лет. Советский Союз он помнит в фазе его заката, так как в этом государстве провёл детские и отроческие годы. Рождённый и получивший образование на Украине, М. Елизаров стал убежденным сторонником всего советского. Во

²⁷ О различии функций ностальгии и их взаимосвязи более подробно см.: БОЙМ С. [BOYM S.], *Будущее ностальгии*, с. 142, 146, 151.

²⁸ ЕЛИЗАРОВ М. [JELIZAROW M.], *Библиотекарь* [онлайн], <https://www.litres.ru/mihail-elizarov/bibliotekar/chitat-onlayn/page-4/>, [доступ: 8.01.2022].

всяком случае, таким представляется этот автор не только в художественных произведениях, но и в интервью. Вряд ли можно заподозрить М. Елизарова в личной (в смысле: биографической) ангажированности в советский дискурс с непосредственно вытекающими отсюда последствиями. Тем не менее, именно такую, пафосно-восхищенную версию прошлого он преподносит читателю.

Реализованная в романе Библиотекарь ретроутопия восходит к истокам советского мифа и предлагает его апологетическую трактовку. Пытаясь реконструировать советские культы, автор успешно апробирует постмодернистские приемы, с помощью которых по-новому раскрывает достоинства советской цивилизации. Такой уклад обеспечивает невообразимую смесь пафоса и деконструкции, высоких идей и натуралистических картин быта, что, собственно говоря, и привлекает в тексте многих читателей. С другой стороны, нельзя игнорировать впечатления китчевости, которое создается (скорее, произвольно, чем преднамеренно) автором. Писатель пытается показать все преимущества советского образа жизни – вспоминает милые сердцу каждого жившего в те времена человека артефакты (песни, книги, слоганы, ритуалы), пересматривает иронические оценки «совка» и его культуры, в частности соцреализма. Но все же его старания нейтрализуются реалистическими картинками бытовой жизни, проявлениями жестокости и бесчувственности героев. Ведущие качества, якобы присущие советскому человеку, а именно – дружелюбие, самоотверженность, героизм, жертвенность, оказываются чертами граждан, сплоченных в секту под влиянием мистического учения советского писателя Громова. Таким образом, ностальгический нарратив автора приобретает двусмысленный характер. Эту особенность романа хорошо определила Алла Латынина в статье Случай Елизарова, заметив, что произведение обладает «сильным зарядом пародийности, перечеркивающим советский пафос»²⁹.

М. Елизаров осуществляет апологетизацию советского мира не столько на уровне сознательной (т. е. рациональной, созданной по законам критической рецепции предмета) реконструкции, сколько посредством накопления конкретных впечатлений и ассоциаций, эмоционально окрашенных. Недаром в основе замысла его романа – история мистического знания, придающего героям необыкновенную силу и чувство бессмертия. Автор «воскрешает» литературное наследие провинциального писателя-соцреалиста Дмитрия Громова: его книги обретают новую жизнь, становятся культовыми и тем самым становятся почвой для создания новой секты, овладевающей современным миром. С помощью мистического влияния осуществляется духовное преобразование героев романа, при этом память прошлого они воспринимают как своеобразный наркотик, погружающий – вместо скучной и удручающей действительности – в мир грез и воображаемого счастья:

²⁹ ЛАТЫНИНА А. [LATYNINA A.], Случай Елизарова, «Новый мир», 2009, № 4 [онлайн], https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2009/4/sluchaj-elizarova.html [доступ: 8.01.2022]

Вообще, пережитое ощущение сложно назвать памятью или воспоминанием. Сон, видение, галлюцинация – все эти слова тоже не отражают сути того комплексного состояния, в которое погружала Книга. Лично мне она подсунула полностью вымышленное детство, настолько сердечное и радостное, что в него сразу верилось из-за ощущения полного проживания видений, по сравнению с которыми реальные воспоминания были бескровным силуэтом. Более того, этот трёхмерный фантом воспринимался ярче и интенсивнее любой жизни и состоял только из кристалликов счастья и доброй грусти, переливающихся светом одного события в другое. У «воспоминания» была музыкальная подкладка, сплетенная из многих мелодий и голосов. Там угадывались «Прекрасное далеко» и «Крылатые качели», белая медведица пела колыбельную Умке, бархатным баритоном Трубадур воспевал «луч солнца золотого», трогательный девичий голос просил оленя умчать в волшебную оленью страну: «Где сосны рвутся в небо, где быть живет и небыль». И вместе с соснами из груди рвалось и улетало сердце, точно выпущенная из тёплых ладоней птица³⁰.

Понятно, что подобные пассажи обращены прежде всего к тем, кто хорошо помнит – на уровне ощущений и эмоционально окрашенных личных ассоциаций – советские времена. Однако и для молодого читателя они могут оказаться знакомыми (несколько по-иному, без обременительного знания реалий жизни в СССР), если он был приобщен к культу недавнего прошлого уже в наше время – посредством СМИ, телесериалов, шоу и пр. В контексте популяризации советской культуры, имеющей место в современной России, текст М. Елизарова приобретает привлекательность не только для среднего и старшего, но и для младшего поколения, способного увлекаться компьютерными играми и альтернативной историей с оптимистическими развязками вместо трагических уроков прошлого. К тому же, он обладает некоторым терапевтическим действием, так как предполагает примечательное смещение смыслов в интерпретации советского опыта: вместо скучной совковой повседневности появляется эйфорическая сопричастность чуду, вместо самоощущения лузера и неудачника – мистическая сила и способность преодолевать самые сложные жизненные препятствия.

В произведениях Александра Проханова Пепел (2011), Крым (2014) или Эдуарда Лимонова Киев капут (2015) многократно акцентируется реставрационная составляющая ностальгии. Апологетизация советских ценностей оказывается противопоставленной (как конструктивный и созидательный элемент) современному упадку общественных нравов. Крах СССР эти писатели изображают как событие апокалиптического значения, что вполне соответствует официальной доктрине российских властей, выраженной в формуле «самой большой трагедии XX века» (В. Путин), осуществленной якобы под давлением внешних сил³¹. Они охотно эксплуатируют шаблоны и стереотипы советского человека

³⁰ ЕЛИЗАРОВ М. [JELIZAROW M.], Библиотекарь [онлайн], <https://www.litres.ru/mihail-elizarov/bibliotekar/chitat-onlayn/page-4/>.

³¹ КАРА-МУРЗА С. Т. [KARA-MURZA S.], Антисоветский проект, Москва: Алгоритм, 2002.

о биполярном мире, то есть апеллируют к восприятию людей зрелого возраста. Нельзя не обратить внимание на то, что указанные сочинения непосредственно отражают политическую конъюнктуру последних лет, а именно – пафос «присоединения» Крымского полуострова (Проханов) или агрессивные пропагандистские атаки на украинцев, отстаивающих независимость страны (Лимонов). В украинской литературе новой волны сравнительно мало произведений, разжигающих ксенофобские настроения в отношении России (или других субъектов), но не потому, что таких настроений нет в обществе, а потому, что литература ангажируется в другие, более актуальные задачи. Действительность последних лет, в частности кровавая война на Донбассе и ее последствия, побуждает украинского писателя к выбору социально активной роли, к отстаиванию гражданских свобод, а посему приводит к окончательной маргинализации советской ностальгии в его творческом восприятии. Символическое прощание с советским прошлым, обусловленное невозможностью во время войны оставаться безучастным пацифистом, изображает Сергей Жадан в романе *Интернат* (2017). Герой этого произведения приходит к необходимости критического пересмотра советского опыта в настоящих условиях дегуманизации человека, воспитанного в системе ценностей СССР.

Выводы

В творчестве русских и украинских писателей нашего времени по-разному используются символические коды советской ностальгии. Популярность ретравационных кодов вызывает определённую обеспокоенность, так как ангажированность в воспоминания прошлого ослабляет нашу волю к решению актуальных проблем и является специфической реакцией на состояние кризиса и растерянности. «Ностальгия работает как обоюдоострый нож: она является эмоциональным противоядием политике и, таким образом, остаётся наилучшим политическим инструментом»³², - подчёркивает Светлана Бойм. Рефлексивные функции ностальгии более продуктивны: они побуждают к активному переосмыслению недавнего прошлого.

Советский опыт в литературной репрезентации оказывается опорным элементом формулы «советское – постсоветское», когда прошлое отражается в самоощущении настоящего времени. Отсюда различные формы конструирования недавнего прошлого – от поверхностной лакировки образа до радикальной критики. Реалии советской жизни в современном романе подлежат переосмыслению, а также приобретают новую ценность, превращаясь в ностальгические грёзы минувшей эпохи. Определённые черты, которые раньше воспринимались как нейтральные, имели статус натуральных качеств жизни, теперь присваивают новые смыслы, а также ценностные ориентиры. Специфика советской ностальгии проявляется в том, что она не просто мифологизирует

³² БОЙМ С. [BOYM S.], Будущее ностальгии, с. 133.

прошлое, а более того – закрепляет за ним смыслы, перенесённые их наших современных представлений о ценностях.

Описанные выше мотивы советской ностальгии в литературе, несмотря на определённые риски культурной амнезии, все же свидетельствуют о назревшей потребности переосмысления советского наследия с позиций XXI века. Если оно становится предметом перформанса, игры, альтернативной истории, фэнтези, воображаемых сценариев развития общества, то тем самым переходит из условного прошлого в пространство настоящего, а также произвольно проявляется как фактор коллективных представлений о будущем.

Библиография

- АЛЕЙНИКОВА С. М. [ALEJNIKOWA S.], «Русский мир»: белорусский взгляд, Минск, РИВШ, 2017.
- АЛЕКСИЕВИЧ С. [ALEKSJEWICZ S.], Время секунд хэнд, Москва, Время, 2013.
- АНДРУХОВИЧ Ю. [ANDRUCHOWYCZ J.], Москвиада: роман, перевод с укр. А. Бражкиной, Москва, Новое Литературное Обозрение, 2001.
- БОЙМ С. [BOYM S.], Будущее ностальгии, пер. с англ. А. Стругач, Москва, Новое Литературное Обозрение, 2019.
- БОЙМ С. [BOYM S.], Общие места: мифология повседневной жизни, Москва, Новое Литературное Обозрение, 2002.
- ВОРОБЬЕВА А.В., РАСКАТОВА Е.М. [WOROBJOWA A., RASKATOWA J.], «Советское» в постсоветском культурном пространстве: структурно-типологический аспект, «Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ», 2009, вып. 4, с. 22–28.
- ГУНДОРОВА Т.І. [HUNDOROWA T.] Транзитна культура. Симптоми постколоніальної травми, Київ, Грані-Т, 2012.
- Длинные 1970-е: советское общество в 1968–1982 годы, «Неприкосновенный запас», 2007, № 2 (052).
- ЕЛИЗАРОВ М. [JELIZAROW M.], Библиотекарь [онлайн], <https://www.litres.ru/mihail-elizarov/bibliotekar/chitat-onlayn/page-4/>, [доступ: 8.01.2022].
- ИВАНОВА Н. [IWANOWA N.], Русский крест. Литература и читатель в начале нового века, Москва, Время, 2011.
- КАБАКОВ И. [КАВАКОВ I.], 60–70-е... Записки о неофициальной жизни в Москве, Москва, Новое Литературное Обозрение, 2008.
- КАМАСАРА В. А., СОРОКИНА А. А. [KAMASARA W., SOROKINA A.], Постсоветская ностальгия в повседневном дискурсе россиян, «Общественные науки и современность», 2011, № 6, с. 18–32.
- КАРА-МУРЗА С. Т. [KARA-MURZA S.], Антисоветский проект, Москва: Алгоритм, 2002.
- КОСТИН В. [KOSTIN W.], Недавнее прошлое. Воспоминания о художественной жизни Москвы 1960–1970-х годов, «Искусство», 1989, № 6, с. 35–36.
- Л. Парфенов о «неплохом мужике» Брежнев и «эпохе застоя». С днем рождения, дорогой Ильич! Интервью для РИА-новости [В:] Сайт «РИА-новости», [онлайн], 2009, <http://www.rian.ru/interview/20091014/188794657.html> [доступ: 8.01.2022]

- ЛАТЫНИНА А. [LATYNINA A.], Случай Елизарова, «Новый мир», 2009, № 4 [онлайн], https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2009/4/sluchaj-elizarova.html [доступ: 8.01.2022].
- ЛЕВАДА Ю. А. [LEWADA J.], «Человек ностальгический»: реалии и проблемы, «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», Москва: ВЦИОМ, 2002, № 6, с. 7–13.
- Михаил Елизаров: «Я не пытаюсь манипулировать сознанием читателя» [онлайн], <http://journalisti.ru/?p=36927> [доступ: 8.01.2022].
- Почему нас не отпускает СССР? [онлайн], <https://www.colta.ru/articles/society/4908-pochemu-nas-ne-otpuskaet-sssr> [доступ: 8.01.2022].
- ПРОХОРОВА И. [PROCHOROWA I.], Недавнее прошлое как вызов историку, «Новое Литературное Обозрение», 2017, № 1 (83), [онлайн], <https://magazines.gorky.media/nlo/2007/1/nedavnee-proshloe-kak-vyzov-istoriku.html>. [доступ: 8.01.2022].
- РАСКАТОВА Е. М. [RASKATOVA J.], Художественная культура и Советская власть в эпоху позднего социализма: учеб. пособие, Иваново: Изд-во Иван. гос. хим.-технол. ун-та, 2008.
- РЕЗАНОВА З. И. [REZANOWA Z.] (ред.), Ностальгия по советскому. Гаспаров Б. М., Голев Н. Д., Говорухина Ю. А. и др., Томск, Изд. Томского университета, 2011.
- СМОЛИНА Н. [SMOLINA N.], Советское в постсоветском пространстве: анализ ностальгических сообществ, «Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Культурология. Социология», вып. 33, 2014, № 17 (346), с.133–136.
- Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал, Москва, РГГУ, 1997.
- ХАЛЬБВАКС М. [HALBWAKS M.], Социальные рамки памяти, пер. с фр. и вст. ст. С. Н. Зенкина. Москва, Новое издательство, 2007.
- СТАРИКОВА Н. Н. [STARIKOWA N.] (отв. ред.), Художественный ландшафт «нулевых». Литература Центральной и Юго-Восточной Европы в начале XXI в., Москва, Институт славяноведения РАН, 2014.
- ШПОРЛЮК Р. [SZPORLUK R.], Формування модерних націй: Україна – Росія – Польща, пер. з англ. Г. Касьянова та ін. 2-е вид., Київ, Вид-во «Дух і Літера», 2016.
- ЭТКИНД А. [ETKIND A.], Кривое горе. Память о непогребенных, авториз. перевод с англ. В. Макарова, Москва, Новое Литературное Обозрение, 2015.
- DOBRENKO E. *Utopias of Return: Notes on (Post-) Soviet Culture and its Frustrated (Post) modernization*, „Studies of East European Thought”, 2011, vol. 63, p. 159–171.
- HNATIUK O., *Pożegnanie z imperium. Ukraińskie dyskusje o tożsamości*, Lublin, Wydawnictwo UMCS, 2003.
- HRYCAK J., *Nowa Ukraina. Nowe interpretacje*, Wrocław 2009.
- MODRZEWSKI F., SZNAJDERMAN M. (red.), *Nostalgia. Eseje o tęsknocie za komunizmem*, Wołowiec, Czarne, 2002.
- RIABCZUK M. *Okcydentaliści mimo woli: paradoksy ukraińskiego natywizmu*, [W:] *Od Małorosji do Ukrainy*, Kraków 2002, s. 57–96.
- TODOROVA M., GILLE Z. (ed.), *Post-Communist Nostalgia*, New York, Berghahn books, 2010.

Symbolical Code of Soviet Nostalgia (Russian and Ukrainian Literary Version).

Summary: The author in suggested article analysis the representation of the Soviet past in contemporary Russian and Ukrainian novels. Nostalgia for the past, represented by the modern popular novel, is controversial. They define *restorative* and *reflexive* nostalgia (after S. Boym). We are talking about the appropriation of cultural memory and, to a lesser extent, the qualitative rethinking of history. The author of the article illustrates the main thesis of his work with the quotes of writings of the prominent Russian writers, such as Mikhail Elizarov, Andrey Turgeniev, Eduard Limonov, Aleksandr Prokhanov as well as Ukrainian ones – Yuriy Andrukhovych, Serhiy Zhadan, Oleksandr Irvanets etc.

Keywords: soviet nostalgia, restorative and reflexive nostalgia, literature, stereotype

DOI: <https://doi.org/10.34864/heteroglossia.issn.2084-1302.nr12.art4>